
К ВОПРОСУ О «БЕЗЛИЧНОСТНОЙ» ПОЭЗИИ А. ТВАРДОВСКОГО И Н. ЗАБОЛОЦКОГО

Л.А. Косарева

Кафедра русского языка № 3
Факультет русского языка и общеобразовательных дисциплин
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается феномен «массовости» поэзии А. Твардовского и Н. Заболоцкого. Делаются выводы о философских и исторических предпосылках их поэтического опыта.

Ключевые слова: лирическая субъективность, индивидуальный стиль, эстетическая ценность, человек массы.

Перед нами два наиболее значительных русских поэта того поколения, которое входило в жизнь в первой трети XX века. Но в их общих качествах, о которых и пойдет речь, выражается не их творческое сходство, но властная воля времени. Раннее (конца 1920-х — начала 1930-х гг.) творчество Н. Заболоцкого (прежде всего его книга 1929 г. «Столбцы») и А. Твардовского («Путь к социализму» — 1931 г., «Вступление» — 1933 г.) воплотилось в совершенно разных поэтических мирах, но все же эти миры обладают несомненной общей основой: перед нами и в том и в другом случае поэзия не индивида, но массы как таковой. Между тем отмеченная особенность их творчества и до сих пор в критике не нашла должного понимания. Когда осторожно и неотчетливо пишут о «жанровой конвергенции лирики и эпоса в мировосприятии и творческом универсуме поэта» [1. С. 25] или о «перманентном эпопейном состоянии художественного мира» [1. С. 13], не возникает уверенности, что имеется в виду именно названная нами отличительная черта их поэзии. Особенно существенно то обстоятельство, что если «массовость» поэзии Твардовского еще можно попытаться объяснить давлением на него тогдашних установок «пролетарской литературы», то к раннему Заболоцкому, входившему не в РАПП, а в полуподпольное ОБЕРИУ, подобное объяснение никак не подходит. Уникальный опыт поэта не только не объяснялся его современниками, но замалчивался и умалялся. Об этом свидетельствуют документальные материалы, собранные недавно Т. Игошевой и И. Лоциловым [2].

Вместе с тем безличная «массовость» была только этапом в развитии того и другого поэта: уже к середине 1930-х гг. в их творчестве ясно воплощается «личностное» начало, однако оно имеет принципиально иной характер и смысл, чем в предшествующей поэзии. Известно, что Твардовский, по сути, отрицал всю русскую поэзию первой четверти XX в. (Блок, Есенин, Маяковский, Мандельштам). Он упрекал эту поэзию не только в «субъективности», но и в «личностности». О Мандельштаме он писал: «Это все уже настолько субъективно и личностно, что...» [3. С. 284]. Почти то же самое сказано и о Есенине: «Не влюбляйтесь, пожалуйста, в его кокетливое, самолюбивое нытье — ах, какой я красивый и какой трагичный!» [3. С. 61]. Абсолютно, казалось бы, неожиданный и неоправданный упрек, предъявленный лирическому поэту, способен озадачить. Однако надо учи-

тывать, что это отношение к поэзии века определялось тем, что Твардовский решительно протестует против избранности индивида, его особенности: «Я счастлив тем, что я не чудо // Особой избранной судьбы» («За далью — даль»). Эстетической ценностью у Твардовского наделено обыкновенное: «Теркин — кто же он такой? // Скажем откровенно: // Просто парень сам собой // Он обыкновенный» («Василий Теркин»).

Из всего этого естественно вытекает и «отрицание» четко выраженного индивидуального стиля в поэзии, почти парадоксальное представление о нем как о чем-то заведомо «второсортном». «Различия манер, характерные интонации, то, что отличает одного поэта от другого, — писал Твардовский, — это ступень высшая по сравнению с неразличимостью и однообразием стихов, но на ступени самой высокой манеры как бы стираются (Пушкин, Гете, Тютчев), вовсе не чувствуются. Подлинно великое как бы уравнивает» [4. С. 330]. Это высказывание, если вдуматься, не столько характеризует стиль Пушкина или Тютчева, сколько принимает позднейшие заостренно «индивидуальные» поэтические стили.

Обратимся теперь к поэзии Заболоцкого. В самом конце жизни он кратко сформулировал свое творческое кредо: «Я — человек, часть мира, его произведение... Я — часть человеческого общества, его единица... Множество человеческих лиц, каждое из которых живое зеркало внутренней жизни... То, что ты привык видеть ежедневно, то, по чему ты скользишь равнодушным и привычным взором, на самом деле не обыденно, не буднично, но полно неизъяснимой прелести, большого внутреннего содержания, и в этом смысле таинственно» [5. С. 592]. Значит, если Твардовский с полемической резкостью объявлял обыкновенное высшей эстетической ценностью, Заболоцкий более мягко внушает, что обыкновенное, любая единица общества на самом-то деле необыкновенны и исполнены тайны, но люди не умеют и даже вроде бы не хотят это увидеть. И потому одно из ключевых ценностных слов в поэзии Заболоцкого — *неприметный*. О любимых героях он пишет:

В неясной мгле существования
Был неприметен их удел.
И животворный свет страданья
Над ними медленно горел.
(«Старость»)

В том же духе он говорит о языке поэзии:
Слова — как светляки с большими фонарями,
Пока рассеян ты и не всмотрелся в мрак,
Ничтожно и темно их девственное пламя
И неприметен их одушевленный прах.
(«Светляки»)

Впрочем, столь непохожий на Твардовского Заболоцкий перекликается с ним и в прямом пиетете перед «обыкновенностью»:

Чем обычной простое растение,
Тем живее волнует меня...
(«Я воспитан природой суровой...»)

Естественно, что Заболоцкий, провозглашавший себя только «произведением мира» и «единицей общества», не мог восхищаться поэзией, лирический герой которой в той или иной мере склонен, напротив, считать себя «творцом мира» и «избранным». Понятно, почему Заболоцкий не принимал предшествующую поэзию гораздо более радикально, чем Твардовский: его неприятие распространялось не только на поэзию начала XX века, но и, в сущности, на всю послепушкинскую. Поэзии пушкинской эпохи присуща своего рода изначальная цельность: «индивидуальное» еще не приобрело резко выраженный характер (что есть уже у Лермонтова), и именно этим, по-видимому, объясняется пристрастие Заболоцкого. Что же касается последующего, близкий Заболоцкому Н. Чуковский свидетельствовал: «Николай Алексеевич терпеть не мог Фета... От этого между ними возникали постоянные ссоры, доходившие до настоящей ярости... Нет, обольстить его Фетом было невозможно. Ни Фетом, ни Яковом Полонским, ни Некрасовым, ни Сологубом, ни Ходасевичем, ни Ахматовой, ни Маяковским. Отношение его к Блоку до такой степени раздражало меня, что мы годами не упоминали в наших разговорах этого имени» [6. С. 297]. В поэзии XX в. Заболоцкий действительно ценил, пожалуй, одного только Хлебникова — поэта явно «вне-» (или «над-») индивидуального.

Заметим, что у Заболоцкого и Твардовского фактически нет любовной лирики. Небольшой предсмертный цикл Заболоцкого «Последняя любовь» — это то самое исключение, которое подтверждает правило. К тому же из десяти стихотворений, составивших цикл, четыре («Чертополох», «Морская прогулка», «Посредине панели...»), «Можжевеловый куст») можно понять и как стихотворения о природе, откликающейся на человеческий зов, а еще два («Последняя любовь», давшее название циклу, и «Старость») написаны не от первого лица: нам предлагаются любящие «они», а не самораскрытие любящей личности. У Твардовского же, по сути дела, вообще нет собственно любовной лирики. И это — очевидный отказ от традиций не только русской, но и всей тысячелетней (начиная со времен рыцарства) истории поэзии, словно бы и немислимой без темы любви, в которой человек как индивид раскрывался с особенной полнотой и глубиной. И вдруг оба крупнейших поэта поколения обходятся без этой темы! Случайно ли, что тема любви почти или даже совсем отсутствует и в творчестве поэтов, следующих за Заболоцким и Твардовским: Николая Тряпкина и Бориса Слуцкого, далее — Алексея Прасолова и Николая Рубцова.

Скорее всего, отказ от любовной темы — вовсе не биографическая особенность, а характерное последствие исторического «переворота» в поэзии XX в. Начиная с эпохи Возрождения индивид предстал как основа и ядро поэтического творчества, да и самого человеческого бытия. Правда, уже Великая французская революция заставила усомниться в плодотворности такого мировосприятия и нанесла ему болезненную рану, но позднее рана эта зарубцевалась и «индивидуальное» по-прежнему осознавалось как альфа и омега творчества и самого бытия. При этом не замечалось, что индивидуальности в собственном смысле слова составляли незначительную долю в общей совокупности людей, человечества. Подавляющее большинство являло собою скорее безличную «почву», на которой

в конечном счете и произрастали индивидуальности. Но в XX веке началось то, чему Х. Ортега-и-Гассет дал определение «восстание масс», оценивая это восстание заведомо негативно [7].

Обратимся теперь к трактату Романо Гвардини «Конец нового времени», в котором впервые преодолена принципиально негативная оценка «человека массы». Он был создан, что поистине символично, в самой середине столетия, в 1950 г. Многие из того, что высказано в этой работе, ранее говорили в той или иной форме самые разные мыслители, прежде всего русские, начиная с Ф. Тютчева и К. Леонтьева, а позднее западноевропейские, в особенности О. Шпенглер. Гвардини сумел поставить давно осознаваемую историософскую тему на прочный духовный фундамент. Он писал, что в XX в. закончилось время человека как индивида, осознанного в эпоху Возрождения, и наступило время человека массы. Для Ортеги-и-Гассета этот термин имел негативное содержание. Гвардини же не только утверждает своего рода естественность возникновения этого феномена, но и открывает в нем определенное «превосходство» над человеком как индивидом. «В XX веке, — писал Гвардини, — на передний план выходит совсем иная структура, для которой идея строящей себя самой творческой индивидуальности, или идея автономного субъекта, явно перестает быть определяющей. Это особенно наглядно, когда мы видим противоположность автономного субъекта и человека массы. Слово «масса» не означает здесь ничего уничижительного... Поскольку она еще не имеет своей традиции, более того, вынуждена утверждать себя вопреки всем доселе значимым традициям, для начала осязаемы ее негативные аспекты, но по существу дела это такая же историческая возможность, как и любая другая. Она... не сделает землю раем, но она несет с собой будущее» [8. С. 145].

Именно «свобода индивидуального движения» (если прибегнуть к терминологии Р. Гвардини) и господствует в русской поэзии во второй половине XIX — начале XX в. Несколько комический характер имела подобная борьба за индивидуальность в стихах второй половины XX в. — у эстрадных поэтов, пытавшихся подчинить своему Я весь мир. Алексей Прасолов еще в 1963 г. иронически писал об этом:

Ты в поисках особенных мгновений
Исколесил дорогу не одну,
По вспышкам мимолетных впечатлений
Определяя время и страну.

И в каждой вспышке чудилось открытье.
Душа брала заряд на много лет,
Но дни прошли — и улеглись события
В ней как подшивке выцветших газет
(«Ты в поисках особенных мгновений...»)

Вполне понятно, что эти слова не имеют никакого отношения к «личностной» поэзии предшествующего времени, где воплощен творческий подвиг индивидуальности, стремившейся не формально, а по существу «присвоить» себе весь мир.

Поэтическая эпоха, восходящая к ренессансному открытию человека как индивида, всецело сохраняет свое величие и обаяние: отталкивание от нее, характерное для Заболоцкого и Твардовского, вызывалось практическими потребностями, задачей создания иной поэзии, где индивид не предстает ни как «избранник», ни даже как отделенный от «человека массы» феномен. Вопрос о человеке в условиях после «Конца нового времени», согласно мысли Гвардини, «не может быть решен по масштабам старой культуры индивидуальности, но только на основе критериев бытия самой массы... Пусть это покажется странным, та самая масса, которая несет в себе опасность абсолютной управляемости и податливости перед манипулированием, внутри себя дает личности шанс созреть для окончательного совершеннолетия. Разумеется, при этом возникают задачи такого внутреннего освобождения, такого сопротивления немислимо возрастающим силам безличности, о котором мы едва начинаем иметь понятие» [7. С. 500]. Так писал в 1950 г. германский философ, но есть весомые основания утверждать, что в поэзии Заболоцкого и Твардовского уже тогда были решены задачи «внутреннего освобождения» и «сопротивления немислимо возрастающим силам безличности». Вершинные произведения этих поэтов осуществили именно такие задачи. Гвардини утверждал, что в современном мире человек может и должен быть нацелен «не на роскошное, тем паче не на исключительное, но на нечто скудное и твердое, что, однако, можно спасти и развить» [7. С. 523]. «Скудно и твердо» — это как будто прямо сказано о личности в поэзии Заболоцкого и Твардовского.

Коснемся очень существенной и к тому же наиболее острой стороны проблемы. Отказ Заболоцкого и Твардовского от преклонения перед самоценной индивидуальностью совершается в условиях открытого и тяжелейшего подавления личности. Кстати сказать, и Гвардини, живший в условиях нацистского тоталитаризма, Гвардини, которому в 1939 г. было запрещено преподавание и любые публичные выступления за его «антигосударственное поведение», выдвинул этот вопрос — притом со всей смелостью и ответственностью. Он отнюдь не закрывал глаза на унижения и насилие. Но с полной уверенностью писал, что в XX веке перед человечеством встала задача, которая «не сможет быть решена путем индивидуальной инициативы и сотрудничества индивидуалистически настроенных участников. Она потребует концентрации сил и единства действий...» [7. С. 525]. Гвардини задается вопросом, есть ли позитивный смысл в этом процессе. И отвечает: «Он заключается в величии дела, которому отвечает величие человеческой внутренней позиции, состоящей в полной солидарности с самим делом и с соседями по работе... Это товарищество по существованию — по грядущему человеческому делу и по грядущей человеческой опасности. Если это товарищество будет осмыслено исходя из личности, оно станет великим позитивным началом» [7. С. 527]. Гвардини писал это шестьдесят с лишним лет назад, и его способность к предвидению несомненна. Более чем очевидно, что человек живет сейчас и будет жить впредь бок о бок с постоянно растущей и угрожающей всему его бытию опасностью. Размеров возможных внезапных катастроф и постепенных разрушений попросту нельзя предугадать.

Но вернемся все-таки к тому времени, в котором обрели себя Заболоцкий и Твардовский. Это реальность второй четверти XX в. Подчас она рассматривается как некий вывих истории, как абсурд, как нелепый возврат к мрачному средневековью, к азиатским деспотиям. Но это критика с позиции тех самых «свободных индивидуальностей». При взгляде же из наступившего времени то непростое время предстает как предельное *испытание* человека, которое он выдержал, — что наглядно явлено, доказано в поэзии Заболоцкого и Твардовского.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Коптева Г.Г.* Эпические интенции в творчестве Н. Заболоцкого: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Красноярск, 2011. — 28 с.
- [2] *Заболоцкий Н.А.* Pro et Contra / Составители: Т. Игошева и И. Лоцилов. — СПб.: РХГА, 2010. — 1064 с.
- [3] *Твардовский А.Т.* Письма о литературе. — М., 1985. — 395 с.
- [4] Литературное наследство. — М., 1983. — Т. 93. — 435 с.
- [5] *Заболоцкий Н.А.* Собрание сочинений в 3-х т. — М., 1983. — Т. 1. — 623 с.
- [6] *Чуковский Н.К.* Литературные воспоминания. — М., 1989. — 345 с.
- [7] *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. — М.: Аст, 2001. — 509 с.
- [8] *Гвардини Р.* Конец нового времени. Феномен человека. Антология. — М., 1993. — 615 с.

LITERATURA

- [1] *Kopteva G.G.* Epicheskie intentsii v tvorchestve N. Zabolotskogo: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. — Krasnoyarsk, 2011. — 28 s.
- [2] *Zabolotsky N.A.* Pro et Contra / Sostaviteli: T. Igosheva i I. Loschilov. — SPb.: RKHGA, 2010. — 1064 s.
- [3] *Tvardovsky A.T.* Pisma o literature. — M., 1985. — 395 s.
- [4] Literaturnoe nasledstvo. — M., 1983. — T. 93. — 435 s.
- [5] *Zabolotsky N.A.* Sbranie sochinenii v trekh tomakh. — M., 1983. — T. 1. — 623 s.
- [6] *Chukovsky N.K.* Literaturnye vospominania. — M., 1989. — 345 s.
- [7] *Ortega-i-Gasset Khose.* Vosstanie mass. — M.: Ast, 2001. — 509 s.
- [8] *Gvardini R.* Konets novogo vremeni. — Fenomen cheloveka. Antologia. — M., 1993. — 615 s.

ON THE QUESTION OF “IMPERSONAL” POETRY OF A. TWARDOWSKY AND N. ZABOLOTSKY

L.A. Kosareva

Russian Language Department № 3
Faculty of Russian Language and Basic sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article discusses the phenomenon of impersonal poetry of A. Twardowsky and N. Zabolotsky. The author concludes about the philosophical and historical background of their poetic experience.

Key words: lyrical subjectivity, individual style, aesthetic value, man of the masses.